

«Двадцать первый век будет морским»: маритимизация военной политики современной Франции*

А. Ю. Чихачев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чихачев А. Ю. «Двадцать первый век будет морским»: маритимизация военной политики современной Франции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 275–293. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.305>

В настоящей статье исследуется один из структурных процессов, наблюдаемых в оборонной политике современной Франции, — так называемая маритимизация, или же повышение внимания военно-политического руководства страны к морской проблематике. Отмечается, что с 2017 г. накопился ряд характерных для того признаков — от упоминаний вопросов морской безопасности в стратегических документах до объявления о начале работ над новыми подлодками и авианосцем. С опорой на практическую геополитику (как разновидность критической геополитики) в статье последовательно раскрываются причины данного процесса, его конкретные параметры и ограничения. Так, к укреплению флота Францию подтолкнуло ухудшение обстановки в ряде значимых для нее регионов мира, угрозы безопасности морским коммуникациям, необходимость обеспечить стабильность собственной «синей» экономики, а также климатические соображения. В практической плоскости маритимизация стала проявляться через повышение расходов на ВМС, принятие кораблестроительной программы «Меркатор», заключение экспортных соглашений, активное участие в многосторонних учениях и проектах (главным образом по линии ЕС и НАТО). Тем не менее автор приходит к выводу, что «морской» поворот оборонной политики Парижа имеет условный характер, поскольку задуман не в ущерб другим видам вооруженных сил, предполагает качественное, но не количественное совершенствование флота и не выглядит уникальным трендом на фоне других держав. При всей своей значимости ВМС все же не приобретают какой-либо особый статус, напротив, действующая доктрина предусматривает равномерное развитие всех компонентов военной мощи. Отсюда представляется, что в ближайшие годы главным стратегическим ориентиром французского флота останется кооперация с союзниками по коллективному Западу, позволяющая оставаться частью совокупного морского потенциала и тем самым преодолевать фактор ограниченности собственных возможностей.

Ключевые слова: Франция, военная политика, морская безопасность, морская сила, Эммануэль Макрон.

На сегодняшний день Франция остается одной из заметных военно-морских держав, имея технологически продвинутый флот и доступ к удаленным акваториям за счет собственных заморских территорий. По оценке американского статисти-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00198, <https://rscf.ru/project/22-78-00198/>.

ческого портала WDMMW, на начало 2023 г. французские ВМС занимали условное восьмое место в мире по совокупной мощности, опережая всех остальных членов Североатлантического альянса, кроме США, и уступая также России и лишь нескольким государствам Азии [1]. Хотя в количественном отношении возможности Парижа не слишком велики (всего 66 вымпелов без учета наиболее мелких небоевых судов), в его распоряжении имеются корабли, конкуренты которым найдутся в составе далеко не каждого флота. В частности, атомный авианосец «Шарль де Голль» с группой сопровождения составляет основу потенциала проекции мощи за рубеж, тогда как четыре ПЛАРБ «Триумфан» служат в качестве океанического компонента ядерного сдерживания. Помимо возможности решать боевые задачи, обладание развитыми ВМС помогает Франции хотя бы отчасти подкреплять претензии на широкое международное влияние, заявлять о сохранении глобальной ответственности даже после распада колониальной империи.

Характерно, что за всю историю Пятой республики военно-морское строительство никогда не было обойдено правительственным вниманием. С 1958 г. при всех президентах оно считалось обязательным компонентом так называемой комплексной (равномерной) модели армии, способным органично дополнять другие виды вооруженных сил. На этой основе флот, как правило, своевременно получал новые корабли с учетом растущих технических требований взамен устаревавших, что в целом удавалось соблюдать даже в условиях экономии оборонных расходов на протяжении 1990–2000-х годов [2]. Тем не менее с приходом действующего главы государства Э. Макрона начали накапливаться внешние симптомы, свидетельствующие о повышении внимания к морской проблематике даже по сравнению с прежними временами. В частности, уже в самом начале его правления был принят Стратегический обзор по обороне и национальной безопасности 2017 г., в котором Мировой океан был выделен в качестве одного из главных пространств для конкуренции великих держав за контроль над ресурсами и логистическими цепочками [3, р. 43–44]. Данная мысль была воспроизведена в аналогичном обзоре пять лет спустя, когда французское руководство выделило несколько зон повышенной напряженности: Средиземное и Красное моря, Индо-Пацифику и, в контексте событий 2022 г., Черное море и Балтику [4, р. 10, 23]. Именно при Э. Макроне у Пятой Республики впервые появились отдельные стратегические документы по ИТР [5] и подводным глубинам [6]; после длительного перерыва ненадолго воссоздавалось профильное морское министерство (2020–2022); началось проектирование следующего поколения ПЛАРБ и нового авианосца с перспективой их спуска на воду ближе к 2040-м годам. Эти и другие примеры наводили на мысль о том, что военная политика Парижа в последнее время приобрела некоторый содержательный акцент на морскую сферу — или, используя термин известного международника Т. Гомара, продемонстрировала тенденцию к «маритимизации» [7, р. 231, 280]. Согласно его точке зрения, «глобализацию часто связывают с либерализацией финансовых потоков; однако в первую очередь она должна ассоциироваться с <...> повышением роли моря в экономике и общественной жизни» [8]. «Двадцать первый век будет морским», — аналогично заявлял президент Э. Макрон в 2019 г., из чего сам же сделал вывод, что перед Францией и Европой встает долгосрочная задача по выводу своего не только экономического, но и военно-политического влияния за континентальные границы [9].

Интересно отметить, что указанная тенденция, несмотря на ее развитие в течение уже нескольких лет, к настоящему моменту пока не была подробно изучена в российской литературе. Среди специалистов-франковедов ее коснулись Ю. И. Рубинский и С. М. Федоров, которые исследовали стратегию Парижа на индо-тихоокеанском направлении, однако почти не касаясь места ВМС в его оборонной политике как таковой [10]. Морская проблематика затрагивалась Т. В. Зверевой и Т. А. Закаурцевой [11], а также автором настоящей статьи и Е. С. Алексеенковой [12], но лишь в привязке к изучению двусторонних связей Франции с ее европейскими соседями (Великобританией, Италией). В схожем ключе выполнен один из текстов за авторством И. Э. Магадеева, исследовавшего отношения Парижа и Пекина сквозь призму «средиземноморского фактора» с упором на политико-дипломатические, экономические и, в меньшей степени, военные сюжеты [13]. Заметен интерес к ВМС Франции со стороны авторов журнала Министерства обороны РФ «Зарубежное военное обозрение», на страницах которого шла речь о перспективах развития французского флота [14] и группировках войск в заморских департаментах [15]. Вместе с тем единичные упоминания маритимизации именно как отдельного тренда можно встретить лишь в трудах Е. О. Обичкиной, комментировавшей ход мыслей Т. Гомара [16].

Напротив, среди иностранных экспертов рост политической значимости военно-морских вопросов был зафиксирован уже неоднократно: например, в октябрьском 2022 г. выпуске журнала *Revue Défense Nationale*, через который красной нитью прошло утверждение о том, что все международные вызовы и угрозы так или иначе имеют морское измерение [17]. В том же году эксперты центра IRIS С. Аби и Ж. Тасс выпустили сборник, раскрывающий в многочисленных нюансах стратегическую значимость Мирового океана для Парижа [18], а за авторством К. Бюше вышла монография, в которой морские просторы предлагается рассматривать не иначе как новый «фронт» Франции, нуждающийся в освоении [19]. Об одновременном внимании государства и научных кругов к данным вопросам говорят неоднократные визиты начальника штаба ВМС П. Вандье в ведущие аналитические центры страны, в том числе по случаю проведения в январе 2023 г. совместной военно-морской конференции Министерства вооруженных сил и института IFRI.

Таким образом, настоящая статья нацелена на то, чтобы отчасти восполнить имеющийся в отечественной литературе пробел и определить основные контуры маритимизации как самоценного процесса, ныне характерного для оборонной политики Пятой республики. Принимая во внимание новизну термина, представляется необходимым для начала уточнить круг причин, повлиявших на повышение заинтересованности военно-политического руководства Франции в морской проблематике; выявить практические особенности проводимого курса; определить его основные ограничители. С методологической точки зрения рассуждения строятся на основе структурно-функционального подхода, поскольку оборонная политика воспринимается в виде целостного механизма, один из элементов которого — ВМС — выполняет собственные задачи и оказывает влияние на остальные элементы и структуру в целом. В концептуальном плане при подготовке исследования наибольшую ценность имела критическая геополитика, главной идеей которой выступает соображение о том, что внешняя и оборонная политика государств во многом определяется, помимо их расположения на карте мира, конструируемыми

в дискурсе представлениями о различных пространствах и угрозах, исходящих отсюда [20]. Среди отдельных направлений критической геополитики, продолжающих развиваться и сегодня, анализ военно-морской стратегии Франции оказался возможным с позиций так называемой практической геополитики, изучающей, каким образом представления руководства страны о пространственном факторе конвертируются в разнообразные реальные шаги [21]. Выбор такого ракурса позволил уделить внимание не только дискурсивным элементам, но и, в большей степени, конкретным решениям, принятым властями в последние годы в расчете на укрепление национальных ВМС.

Основные причины «морского» поворота

На сегодняшний день среди исследователей пространственного фактора в международных отношениях нет однозначного толкования, можно ли назвать Францию в чистом виде континентальной или морской державой. Как справедливо замечает И. Ю. Окунев, она скорее принадлежит к смешанному типу, в течение своей истории переходя от талассократии (расширение колониальной империи) к теллутократии (наполеоновские войны) и обратно [22]. Наиболее известные военные победы Франция одерживала чаще всего на суше, однако перечень ее знаменитых мореходов также достаточно велик, как и весом вклад в развитие военно-морской теории («молодая школа» на рубеже XIX–XX вв. [23], исследования адмиралом Р. Кастексом взаимодополняемости флота и других видов ВС в 1930-е годы). По мнению президента Э. Макрона, значимость морских просторов для страны в принципе не подлежит сомнению, поскольку «каждый раз, поворачиваясь к ним спиной, она терпела поражение», но, напротив, выходя в Мировой океан, Париж придавал своим амбициям должный размах [9]. Между тем, к нынешнему росту интереса руководства страны к морской проблематике привели отнюдь не только историко-географические умозаключения, но и ряд более близких к современности факторов, которые французское правительство использовало для обоснования последующей активизации военно-морской политики.

Во-первых, как подчеркнуло руководство страны еще в Стратегическом обзоре 2017 г., все более заметным становится ослабление архитектуры безопасности в ряде приоритетных для Пятой республики районов мира. Прежде всего наблюдается целый комплекс негативных явлений в Средиземноморье, включая неурегулированные конфликты в Сирии и Ливии, остающуюся на повестке дня угрозу международного терроризма и рост противоречий между многочисленными игроками [3, р. 21–23; 13]. В то же время вследствие неудачной французской операции «Бархан» в Сахеле ускорилось распространение деятельности джихадистских группировок ближе к берегам Гвинейского залива, где и без того остро стояли проблемы наркоторговли и пиратства [24, с. 91–92]. Параллельно в Индо-Пацифике в качестве доминирующей тенденции развернулось соперничество между США и КНР, которое в случае крупного обострения могло бы косвенно поставить под удар владения Парижа в Тихом океане и их связи с метрополией [5; 25]. Все три направления объединяет наличие крупных водных пространств, от контроля (или как минимум постоянного отслеживания) которых напрямую зависит способность французской стороны защищать свои региональные интересы. Более того, по оценкам командо-

вания ВМС, на современном этапе в полной мере можно говорить о гонке морских вооружений между крупными державами, наиболее активно идущей прежде всего в ИТР (о чем высказано опасение и в соответствующей региональной стратегии Франции) [5; 25]. Вследствие чего приобретает актуальность задача не только обеспечивать регулярное присутствие кораблей в том или ином районе, но и ритмично совершенствовать их техническое оснащение, а также укреплять партнерские связи с дружественными государствами. В условиях же, когда из-за протяженных расстояний и инфраструктурных ограничений Франция не имеет возможности существенно нарастить наземные и воздушные контингенты (особенно на тех же индо-тихоокеанских островах), ВМС и вовсе оказываются основой для местной системы обороны.

Во-вторых, как подчеркнуто в концепции по подводным глубинам и Стратегическом обзоре 2022 г., события последних лет продемонстрировали возросшую уязвимость международных транспортных артерий, линий морских коммуникаций [4; 6]. Так, в 2022 г. произошли утечки на трубопроводах «Северный поток» в Балтийском море, дополнительно осложнившие российско-европейские отношения в энергетической сфере. До того, в 2019–2020 гг., на фоне эскалации напряженности в Персидском заливе и ряда атак на танкерные суда в очередной раз возникала угроза блокирования Ираном Ормузского пролива, имеющего важнейшее значение для мирового экспорта углеводородов. Каждый из таких эпизодов создавал дополнительные риски с точки зрения стрессоустойчивости (resilience) Франции и всего Евросоюза, сохраняющего зависимость от мировых цен на энергоносители и от стабильности поставок [26, с. 80–91]. Аналогичным образом оставалось предметом для беспокойства обеспечение безопасности в других choke points — зонах Суэцкого канала, Баб-эль-Мандебского и Малаккского проливов, являющихся основными маршрутами для контейнерных перевозок по направлению из Азии в Европу [27] и ставших предметом повышенного интереса со стороны Китая (проект «Морского Шелкового пути XXI века») [13]. Потенциальными объектами для враждебных действий французское командование в первую очередь считает подводные телекоммуникационные кабели, ветряные электростанции офшорного типа и исследовательские суда, занимающиеся разведкой ресурсных месторождений [6, р. 23–25]. По его логике, любой инцидент на подобной инфраструктуре был бы чреват не только экономическими потерями, но и нарушением связи с удаленными частями страны, сбоями в энергосистеме и т. п. В документе о морских глубинах министерство ВС Франции также подчеркивало, что все больший круг держав занимается разработкой глубоководных беспилотных аппаратов, способных решать не только диверсионные задачи, но и участвовать в ядерном сдерживании [6, р. 18–21]. Отсюда делался вывод, что без собственных возможностей для реагирования или хотя бы своевременного обнаружения враждебных действий Пятая республика потеряет стратегическую автономию, не сможет адекватно защищать ни исключительную экономическую зону — вторую по размерам в мире, — ни протяженную береговую линию.

В-третьих, необходимость подчеркнуто морского акцента в политике правительства диктовалась внутренними хозяйственными обстоятельствами. По озвученным Э. Макроном данным, «синяя» экономика дает Франции 355 тыс. рабочих мест, а ее совокупный оборот уже достиг 91 млрд евро (2019 г.) [9]. На морские

пространства и ресурсы так или иначе замыкается целый ряд развитых в стране отраслей, включая судостроение и судоремонт, прибрежный туризм, пищевую промышленность, портовую и складскую деятельность [28]. От эффективного использования моря во многом зависит благосостояние ряда регионов страны, в том числе Бретани, Нормандии, О-де-Франс, Прованс-Альпы-Лазурный берег, не говоря о заморских департаментах. Это же касается и конкретных портовых городов — Марселя, Гавра (шестое и восьмое места в Европе по объемам принимаемых грузов соответственно) [29], Руана (крупнейший порт в Западной Европе по экспорту зерновых) [30], Дюнкерка и др. В данной связи укрепление военно-морских сил выглядело целесообразным для защиты «синих» отраслей от внешних шоков на дальних подступах, что возвращало к вышеупомянутой задаче поддержания безопасности грузоперевозок через нестабильные зоны. Однако сверх того, мариимизация оборонной политики позволила бы с помощью расширенного госзаказа оказать поддержку судостроительным предприятиям (в Бресте, Лорьяне, Сен-Назере, Шербуре). Последние получили бы возможность дополнительно нарастить мощности и сохранить научно-технические компетенции, иногда — крайне редкие, как проектирование и обслуживание атомных двигателей. Расширенная судостроительная программа принесла бы выгоды еще и смежным сферам: сталелитейной отрасли (производство корабельных корпусов), электронике (системы управления огнем, навигационные приборы), производству боеприпасов, — сформировав тем самым синергетический эффект для всей национальной экономики, что отвечает планам французского правительства по реиндустриализации страны в перспективе до 2030 г.

В-четвертых, коль скоро разумное использование морских ресурсов было объявлено ООН одной из целей устойчивого развития, а в Евросоюзе — одним из путей выхода на показатели углеродной нейтральности [31], особое внимание к военно-морской политике отчасти имело под собой и климатические соображения. Стоит напомнить, что в свое время через службу во флоте прошли многие французские географы, подарившие человечеству ряд открытий о природе и животном мире: Ж. Дюмон-Дюрвиль, П.-Э. Виктор, Ж.-И. Кусто и др. Так и сегодня, подчеркивают представители морского командования, ВМС в силу своей специфики имеют широкие возможности по наблюдению за идущими процессами: изменением разнообразия морских организмов, степенью загрязнения акваторий, движением воздушных масс над океанами и пр. [32]. Как отмечается в Стратегическом обзоре 2022 г., вооруженные силы в целом и флот в частности должны учитывать меняющиеся климатические условия и ухудшение биоразнообразия, вследствие чего быть готовыми решать задачу, например, по обеспечению удаленных территорий Франции продовольствием и питьевой водой [5, р. 22]. В отличие от авиации или сухопутных сил, флот может активнее использоваться для пресечения природоопасной деятельности (нелегального рыболовства и ресурсодобычи); проведения научных исследований в удаленных районах мира (Южный океан, Антарктида); доставки гуманитарных грузов после стихийных бедствий. Отмечается, что сами ВМС также проводят внутреннюю адаптацию под современные экологические требования, экономнее расходуя топливо на кораблях и переходя на электричество или газ там, где это возможно [33]. Одним словом, укрепление военно-морских возможностей, помимо наращивания боевой мощи, могло бы привести и к подкреплению пози-

ций Парижа как сторонника климатической повестки. Та, в свою очередь, успела стать для французской дипломатии одним из главных приоритетов, учитывая обилие разнообразных инициатив, выдвинутых Э. Макроном с момента прихода к власти (в их число вошел, например, саммит «Один океан», проведенный в начале европейского председательства Пятой республики в первом полугодии 2022 г.) [34].

Таким образом, в основе маритимизации оборонной политики оказался комплекс взаимосвязанных причин, которые имеют не только военно-политический (деградация безопасности в значимых для Парижа регионах и на морских коммуникациях), но и гражданский («синяя» экономика, климат) характер. Тем не менее из самих представлений французского руководства об угрозах и возможностях Мирового океана оставалось неясным, насколько существенными окажутся масштабы данного процесса. Следуя общей логике практической геополитики, легко предположить, что ответ на этот вопрос лежал в плоскости конкретных шагов, предпринимавшихся на военно-морском треке в течение первого и начале второго президентств Э. Макрона.

Практическая сторона маритимизации

Конкретные проявления военно-морской политики Парижа, наблюдаемые с 2017 г., стоит условно сгруппировать в несколько тематических блоков: бюджетные коррективы, материально-технические и экспортные новации (1–3), кооперация с другими странами, особенно с ближайшими соседями в Европе (4–5).

(1) Благоприятным для развития ВМС фактором стало решение руководства страны постепенно увеличивать расходы на оборону в целом и флот в частности. Само по себе оно имело в некотором смысле революционный характер, поскольку после завершения холодной войны и перевода армии на полностью контрактную основу на рубеже 1990–2000-х годов вооруженные силы страны существовали, напротив, в условиях постоянно сокращавшихся военных бюджетов. В военной доктрине доминировала мысль о том, что крупные общевойсковые операции, тем более на территории Европы, безвозвратно ушли в прошлое; вместо этого Франции предстоит проводить точечные зарубежные миссии с гибким использованием относительно небольших контингентов [35, с. 67–70]. По сравнению с сухопутными силами, ВМС эта логика коснулась в меньшей степени, хотя от наиболее амбициозных проектов все равно приходилось отказываться. В частности, вместо планировавшихся в 1990-х годах двух атомных авианосцев в итоге был построен один, а число ПЛАРБ при переходе с первого поколения («Редутабль») на второе («Триумфан») оказалось сокращено с шести до четырех. Однако при Э. Макроне во внешнеполитических документах страны стала прослеживаться мысль о том, что в международные отношения возвращается феномен соперничества великих держав, чреватого, в формулировке из Стратегических обзоров 2017 и 2022 г., «конфликтами высокой интенсивности» [3–4]. Поэтому уже в 2018 г. был принят закон о военном планировании до 2025 г. (LPM), согласно которому оборонные расходы государства должны вырасти с 35,9 до 50 млрд евро с шагом сначала в 1,5, затем в 3 млрд. Бюджет на каждый конкретный год строго соответствовал этой траектории, в том числе и действующий финансовый документ на 2023 г., по которому на оборону выделено 44 млрд [36]. Примечательно, что из них кон-

кретно флоту отводилась рекордная за последнее время сумма — 5,8 млрд, считая материально-техническое обслуживание кораблей, совершенствование инфраструктуры баз, обучение и зарплаты военнослужащих, участие в зарубежных операциях и походах [37]. Там же на статью «оперативная подготовка флота» направлялось около 3 млрд евро, что превосходило аналогичные статьи для сухопутных войск (1,8 млрд) и авиации (2,87). Остановлены сокращения личного состава ВМС, который к 2025 г. планируется даже ненамного увеличить (на 1 тыс. человек, до 35 тыс.). Летом 2023 г. в связи с углублением украинского конфликта правительство досрочно приняло новый LPM сроком до конца десятилетия, в котором возрастающая финансовая и кадровая траектория для флота была подтверждена.

(2) В том же 2018 г. военно-политическое руководство Франции утвердило так называемый план «Меркатор», в котором были намечены основные направления для совершенствования ВМС [14]. Помимо намерений улучшать условия военно-морской службы и внедрять цифровые технологии, в нем делался особый упор на материальное оснащение — глубокую модернизацию старой техники и активное строительство новых кораблей. Следуя этому плану, государство разместило заказы на шесть новых АПЛ проекта «Сюффрен», пять многоцелевых фрегатов FDI, четыре транспорта снабжения «Жак Шевалье», шесть патрульных катеров «Огюст Бенебиг» (на замену «Рюби», «Лафайет», «Дюранс» и P400 соответственно). На новые версии стала переводиться морская авиация: патрульные самолеты «Атлантик-2», самолеты ДРЛОУ E-2, истребители «Рафаль». Инициирована работа над перспективными моделями беспилотных аппаратов (палубного с вертикальным взлетом — SDAM, противоминного — SLAM-F, подводного — DSMO), новыми корабельными ракетами (FMAN) и разведывательным самолетом («Альбатрос»). Как упоминалось выше, началась предварительная разработка крупных, «структурирующих» проектов — нового авианосца и ПЛАРБ, которые по мере реализации должны будут вести за собой всю судостроительную и ряд смежных отраслей. Тем не менее особенность плана «Меркатор» оказалась в том, что большинство этих новаций намечены на вступление в строй к 2030 г. или позже, в связи с чем оценивать его эффективность к настоящему моменту затруднительно. В остальном же облик французских ВМС оставался почти таким же, как и на момент прихода Э. Макрона к власти (см. табл.) [14–15; 38]. Единственная крупная новинка, уже вступившая в строй — головная подлодка «Сюффрен», — примечательна тем, что по сравнению с предшественниками имеет пониженные показатели акустической шумности и дальности обнаружения радиолокационными средствами самолетов, а также оснащена крылатыми ракетами, позволяющими наносить удары по наземным целям [14]. В рамках устоявшейся классификации флотов имеющиеся у Парижа силы можно было бы классифицировать как океанические (благодаря подлодкам и авианосцу), но включающие также четко выраженный прибрежный компонент (малые фрегаты, патрульные корабли), необходимый для защиты атлантического фасада и заморских территорий.

(3) Развернутая военно-морская программа позволила французской стороне частично диверсифицировать свой экспорт вооружений. По итогам 2017–2021 гг. Париж занял третье место в мире среди крупнейших продавцов техники с долей рынка в 11% [39]. Подобный показатель был достигнут во многом за счет ряда дорогостоя-

ящих контрактов по истребителям «Рафаль» с Индией, Египтом и Катаром, однако именно в эти же годы происходит всплеск зарубежного интереса и к продукции французского судостроения. Например, корветы «Говинд» становились предметом договоренностей с Аргентиной (4 единицы), Египтом (3), ОАЭ (2), Малайзией (6) и Румынией (4); фрегаты FDI вкуче с ракетным вооружением — с Грецией (3). Даже если каждый раз шла речь о меньших суммах, чем в авиационном секторе (нескольких миллиардах евро максимум, тогда как одно только соглашение 2021 г. о «Рафальях» с ОАЭ оценивается в 16 млрд [40]), участие кораблестроительных предприятий в экспорте вооружений позволяло демонстрировать многогранность французского ВПК, его способность предложить широкую номенклатуру техники.

Правда, в конце первого президентства Э. Макрона именно морское направление оборонных продаж явило наиболее громкую неудачу — потерю крупного контракта с Австралией на подводные лодки «Сюффрен» вследствие создания коалиции AUKUS и ее переориентации на англо-американских поставщиков. Вместе с тем, как подчеркивает деловое издание “Challenges”, всего за год после разрыва сделки судостроительной компании Naval Group удалось не только получить неустойку с австралийской стороны (1,35 млрд евро вместе со всеми совершенными ранее платежами), но и расширить круг потенциальных покупателей на эти же подлодки (Нидерланды, Филиппины) [40].

(4) Немаловажным направлением деятельности ВМС стало укрепление межфлотских контактов с другими государствами. На протяжении рассматриваемого периода французские корабли неоднократно участвовали в многонациональных учениях — на пространствах Индийского океана (с Японией, США, Австралией, Индией), Северной Атлантики, Средиземноморья и Балтики (с членами НАТО), Красного моря (с Египтом). Постоянной практикой стали дальние походы авианосной группы «Шарль де Голль» из порта Тулон до Индо-Тихоокеанского региона, в ходе которых отработывалось взаимодействие с силами прибрежных государств, французскими базами в ОАЭ и Джибути и контингентами, постоянно размещенными в заморских департаментах. Не единичны случаи, когда группа включала корабли других держав непосредственно в свой состав, тем самым временно увеличивая совокупную мощь и позволяя Пятой республике становиться «рамочной» нацией в союзных соединениях. Так, в ходе миссии «Антарес» по патрулированию юго-восточных рубежей НАТО (ноябрь 2022 — январь 2023 гг.) французский флагман сопровождали не только собственные корабли, но и американский эсминец УРО «Эрли Берк», итальянский многоцелевой фрегат «Виржинио Фазан», греческий фрегат «Адриас», что, по заключению Э. Макрона, позволило Парижу в очередной раз показать себя «решительным и надежным союзником» по Альянсу [41]. Для расширения сети базирования была заключена серия соглашений о логистической поддержке с партнерами в значимых для Франции регионах — в частности, Индией (в обмен на доступ индийских ВМС к французским опорным пунктам), Сингапуром, Кипром, Камеруном. В рамках индо-тихоокеанской стратегии, направленной на продвижение собственной роли как полновесного регионального игрока [5; 10], Париж интенсифицировал командно-штабные и межминистерские связи с Японией, вследствие чего появилась возможность подводить отдельные корабли ближе к Корейскому полуострову и КНР (в 2021 г. в Восточно-Китайское море из Полинезии временно передислоцировался фрегат «Прериаль»).

Таблица. Основные корабельные силы военно-морского флота Франции по состоянию на январь 2023 г. и ключевые направления их развития

Типы кораблей	Количество единиц	Ввод в эксплуатацию	Новое по плану «Меркатор» до 2030 г.
Авианосец «Шарль де Голль»	1	2001	Размещение истребителей «Рафаль М» в версии F4, проектирование корабля-сменщика
Универсальный десантный корабль «Мистраль»	3	2005, 2007, 2012	Обновление вертолетного парка, пулеметного и пушечного вооружения, оптимизация обитаемости судов и пр.
Эсминец УРО «Горизонт»	2	2010, 2011	Модернизация двигателей, РЛС и вооружения
Многоцелевой фрегат «Аквитания» (в вариантах для противолодочной борьбы и ПВО)	6 + 1	2015–2021	Принятие на вооружение 2-й единицы в ПВО-версии
Фрегат «Лафайет»	5	1996–2001	Замена на 6 фрегатов FDI
Малый фрегат «Флореаль»	6	1992–1994	Замена на перспективный «европейский патрульный корвет» (EPC)
Патрульные корабли «Конфьянс», OPV 400 и др.	17	1988–2020	Частичная замена на 6 патрульных судов «Огюст Бенебиг»
Тральщики «Эридан», «Вюлькен», «Антарес»	10	1986–1994	Замена на дроны из проекта SLAM-F (+ присоединение к голландско-бельгийской серии тральщиков «Флиссинген»)
Корабль снабжения «Дюранс»	2	1987, 1990	Замена на 4 корабля «Жак Шевалье»
ПЛАРБ «Триумфан»	4	1997–2010	Обновление баллистических ракет M51 (до версии 3), проектирование следующего поколения подлодок
Многоцелевая АПЛ «Рюби»	4	1987–1993	Вывод из состава флота
Многоцелевая АПЛ «Сюффрен»	1	2022	Строительство еще 5 лодок из серии

(5) Отдельный акцент французское руководство сделало на расширении военно-морской кооперации со странами ЕС, считая ее важным элементом построения европейской оборонной идентичности. Во многом с подачи Парижа в 2018 г. была обновлена общая Стратегия морской безопасности, а в 2021–2022 гг. у Евросоюза появился единый документ по Индо-Пацифике и полноценная внешнеполитическая концепция («Стратегический компас»). Во всех трех текстах подчеркивалось намерение Европы действовать на морских просторах в качестве самостоятельного поставщика безопасности, способного сформулировать адекватный ответ на угрозы региональной безопасности, логистическим цепочкам и подводной инфраструктуре. В практическом же плане наряду с продолжением миссии «Аталанта» по борьбе с пиратством у берегов Сомали был несколько

усилен мандат операции «София» на подступах к Ливии (с 2020 г. — «Ирини»); пресечение нелегальной миграции дополнило соблюдение оружейного эмбарго ООН. В 2021 г. была запущена программа «Скоординированного морского присутствия» в Гвинейском заливе, тогда как незадолго до того и формально вне институциональных контуров ЕС Франция инициировала наблюдательную миссию «Агенор» в Ормузском проливе. Заметные позиции Парижу удалось получить в рамках программы оборонно-промышленного взаимодействия стран ЕС — Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO), где из восьми проектов «морского» раздела Париж присоединился к шести (больше, чем у остальных) [42]. В частности, один из проектов посвящен разработке перспективного корвета, для чего в октябре 2022 г. на парижском салоне Euronaval компании из Франции, Италии и Испании сформировали производственный консорциум. Хотя и не без политических трудностей из-за Брексита и позиции США [11, с. 61–64], продолжалось сотрудничество французской стороны и с Великобританией по новым противокорабельным ракетам FMAN: в феврале 2022 г. последовало подписание межправительственного соглашения о запуске работ по линии совместного концерна MBDA.

Все представленные примеры в целом подтверждали, что намерение уделять повышенное внимание военно-морским сюжетам не осталось на словах, превратившись в руководящий принцип и на практике. Даже если в текущем режиме отдача была невелика, по мнению П. Вандье, на стыке 2010–2020-х годов ВМС успешно преодолели тот момент, когда от единожды принятых принципиальных решений зависело обеспечение конкурентоспособности флота до середины текущего столетия [43]. Говоря словами историка Э. Кутто-Бегари, в глазах правительства французский флот в очередной раз «сумел доказать необходимость своего существования», оставшись одним из наиболее выгодных инструментов внешней политики по соотношению затрат и стратегических дивидендов [44, р. 18].

Сдерживающие факторы

Тем не менее сказанное выше вовсе не должно создавать впечатление, будто бы маритимизацию отныне можно считать центральным трендом военной политики Франции и вся оборона страны теперь будет заточена исключительно под возможности флота. Напротив, развитие ВМС столкнулось с некоторыми ограничениями, заставляющими воспринимать анализируемый процесс под более критическим углом зрения.

Во-первых, на фоне роста значимости морских вопросов вовсе не остаются без внимания и другие виды вооруженных сил. Специфике процессов в сухопутных войсках и авиации следовало бы посвятить отдельные исследования, но короткой строкой стоит обозначить, что в них наблюдается схожая с ВМС ситуация: запущено перевооружение (программа поставок бронетехники SCORPION, модернизация танкового и истребительного парков), множатся форматы участия в многонациональных учениях и миссиях, выстраиваются экспортные связи и т. п. Принципиальное значение имеет тот факт, что в Стратегическом обзоре 2022 г. руководство Франции заявило о намерении сохранить на среднесрочную перспективу сбалансированную модель армии без явных структурных перекосов

[4, p. 24, 27–28]. Исходя из этого оборонный бюджет, хотя и растущий в последние годы, предполагается распределять таким образом, чтобы каждое направление развивалось не в ущерб остальным; следовательно, даже если ВМС пока вырвались вперед, дальнейший рост их финансирования будет сдерживаться запросами других командований. Необходимость в модернизации остальных видов ВС диктовалась тем, что в течение президентства Э. Макрона флот решал непосредственные боевые задачи считанное количество раз (2018 г. — ракетные удары по Сирии), тогда как сухопутная армия и авиация все это время активно использовались (в Сахеле — хотя и неудачно) [24]. Более того, как признавало даже само командование ВМС, события на Украине показали, что в современных конфликтах высокой интенсивности флот не всегда будет иметь первостепенное значение, а их исход главным образом определяется на земле и в воздухе [43]. О влиянии других видов и родов войск свидетельствовал также тот факт, что за первый срок Э. Макрона сменилось три начальника Генштаба, и ни один из них не был морским офицером (адмиралы Б. Рожель и Ж.-Ф. Роллан занимали пост начальника личного штаба президента, имеющий скорее протокольные и консультативные функции).

Во-вторых, обращает на себя внимание, что, хотя по плану «Меркатор» строительство кораблей должно идти достаточно активными темпами, на поверку каких-либо действительно новых шагов или тем более радикального увеличения состава флота (что и следовало в строгом смысле слова называть маритимизацией) он не предусматривает. Как подчеркивалось выше, новые корабли будут вступать в строй только на место устаревших, но не в дополнение к ним, из-за чего с количественной точки зрения состав ВМС в целом останется неизменным. Основные проекты, на которые сейчас делается упор — фрегаты FDI, подлодки «Сюффрен» и др., — впервые стали прорабатываться еще до 2017 г. при предыдущем руководстве, поэтому эффекта неожиданности в их серийном строительстве нет. В числе приоритетов отсутствует намерение нарастить количество многоцелевых фрегатов «Аквитания», как и не анонсированы какие-либо новые типы, неизвестные ранее. Одним словом, ВМС продолжают существовать в привычной для себя логике интенсивного, а не экстенсивного развития без резких и дорогостоящих сдвигов. Однако в результате остается нерешенной главная проблема — зависимость потенциала проекции мощи от технического состояния единственного авианосца «Шарль де Голль», ведь на периоды прохождения им ремонтных работ (в том числе плановых «технических остановок» продолжительностью 18 месяцев) флот не имеет для него адекватной функциональной замены. Как подчеркивают парламентарии, строительство второго авианосца потребует крупных финансовых вливаний, но все же оно необходимо для ухода от этой зависимости хотя бы в 2030-х годах [37]. Тем не менее, в новом законе о военном планировании вскользь упомянуто лишь намерение изучить в 2028 г. возможность строительства второго корабля данного класса в зависимости от того, каким образом к тому моменту сложится экономическая конъюнктура.

В-третьих, ограниченный характер французской маритимизации становится еще более очевидным, если сопоставить ее с трендами развития ВМС других государств. Так, в развитие концепции «Глобальная Британия» широкая судостроительная программа развернута Лондоном: спущены на воду два авианосца «Куин

Элизабет», запланирована серия из четырех ПЛАРБ «Дредноут», построено пять из семи АПЛ «Эстьют», разрабатывается несколько типов фрегатов [1]. В отличие от Пятой республики, продолжает наращивать количество кораблей «Аквитания/Карло Бергамини» Италия (по общему проекту FREMM), планируя довести их количество в составе своего флота до десяти и дополнить минимум семью судами ближней морской зоны «Таон ди Ревель». По количеству современных авианосцев, ПЛАРБ, эсминцев и др. от Франции стремительно отрывается КНР; в эсминцах и подлодках сохраняется отставание от Японии (хотя ее Морские силы самообороны не используют атомные двигатели) и по всем пунктам — от США [1]. Наконец, Париж пока не объявлял о наличии у него равноценного ответа на новейшие российские разработки — прежде всего проект подводного беспилотника «Посейдон» и гиперзвуковую противокорабельную ракету «Циркон». Иными словами, активизация военно-морской политики явилась не чисто французским феноменом, но вписывалась в общемировой тренд — продолжение соперничества великих держав на просторах Мирового океана на новом технологическом витке. Вместе с тем на фоне усилий других стран намеченная программа модернизации ВМС справедливо критикуется внутри Франции за излишнюю скромность, вследствие которой заявленная задача-максимум достичь к 2030 г. «оперативного превосходства» над чужими флотами выглядит недостижимой [37].

Данные обстоятельства позволяют заключить, что развернувшаяся маритимизация военной политики Парижа, хотя и получила с 2017 г. многочисленные практические проявления, все же имела весьма ограниченный характер. Поскольку этот процесс был запущен не в ущерб другим видам вооруженных сил, представляется корректным считать его лишь одной из тенденций, свойственных французской оборонной отрасли на современном этапе. По справедливому наблюдению экспертов, нынешняя стратегия Франции в области безопасности имеет многозадачный характер, подразумевая способность одновременно действовать в различных регионах и средах [45], поэтому и ее «жесткая сила» выстраивается из нескольких компонентов, и отнюдь не только военно-морских.

Заключение

Как предписывает практическое направление в критической геополитике, стратегия поведения государства в международных делах определяется как взаимосвязь дискурса и практики: на основе собственных представлений об окружающих пространствах правительство страны принимает решения о действиях в их пределах. Развитие военно-морской политики современной Франции в целом показывает работоспособность этой логики. С одной стороны, в своих стратегических документах Париж сформулировал ряд ожиданий от морского пространства, притом как негативных (обилие разнообразных угроз безопасности), так и, в меньшей степени, позитивных (связанных с развитием «синей экономики»). С другой стороны, на этом фоне параллельно были предприняты практические шаги, направленные на укрепление имеющихся возможностей, — от роста расходов на флот до расширения форматов кооперации с союзниками. Иными словами, совершенствование военно-морских сил получает необходимые доктринальные обоснования, позиционируясь как ответ на внешние вызовы. Относительно само-

го термина «маритимизация» следует заключить, что в целом он довольно точно передает основную суть проводимого курса: факт повышенного внимания властей к военно-морским сюжетам ныне прослеживается достаточно ясно и, видимо, будет иметь место на протяжении и второго президентского срока Э. Макрона. Однако для анализа всей оборонной политики Франции его уместно использовать лишь с рядом оговорок во избежание чрезмерных обобщений.

Между тем усиление других держав и ограниченность ресурсов самой Пятой республики могут привести к тому, что в относительном измерении ее собственный потенциал будет оставаться примерно на том же уровне или даже сокращаться. Отсюда наиболее реальной перспективой на настоящий момент видится продолжение тесного сотрудничества Парижа с союзниками внутри НАТО и ЕС, попыток мультиплицировать свое влияние через совместные форматы. Постоянно расширяющиеся примеры совместных учений и проектов показывают, что французская сторона рассчитывает на как можно более тесную координацию военно-морских сил, охотно пользуясь возможностями партнеров и делясь собственными. Соответственно, при планировании военно-морской политики России ВМС Пятой республики их материально-технические и логистические возможности необходимо воспринимать как часть совокупной военной мощи Запада и лишь во вторую очередь — как самостоятельную единицу. С учетом растущей международной напряженности на фоне украинского конфликта легко предположить, что основными оперативными районами для французского флота в ближайшей перспективе будут являться Северная Атлантика и Средиземноморье, куда корабли Пятой республики могут выходить вместе с американскими, британскими и другими союзными судами. Кроме того, флот останется значимым, хотя и не единственным инструментом для подкрепления позиций Парижа и Европы в Индо-Пацифике (где наверняка будут развиваться новые военно-технические связи с Индией, Индонезией, Японией и др.), а также в районе Гвинейского залива после отступления сухопутных частей из Сахеля.

Литература

1. Global Naval Powers Ranking (2023), *WDMMW*. URL: <https://www.wdmmw.org/ranking.php> (дата обращения: 08.01.2023).
2. Чихачев, А. Ю. (2017), Особенности становления военно-морского потенциала современной Франции, *Национальная безопасность / nota bene*, № 5, с. 82–95.
3. *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*, 2017. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (дата обращения: 09.01.2023).
4. *Revue nationale stratégique*, 2022. URL: http://www.sgdsn.gouv.fr/communiqués_presse/revue-nationale-strategique-2022/ (дата обращения: 09.01.2023).
5. *Stratégie française en Indopacifique*, 2020. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/enjeux-regionaux/strategie-francaise-indopacifique> (дата обращения: 09.01.2023).
6. *Stratégie ministérielle de maîtrise des fonds marins. Rapport du groupe de travail*, 2022. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/armees-se-dotent-dune-strategie-ministerielle-maitrise-fonds-marins> (дата обращения: 09.01.2023).
7. Gomart, T. (2019), *L'Affolement de monde. Dix enjeux géopolitiques*, Paris: Tallandier.
8. Гомар, Т. (2017), Франция и «большая тройка», *Россия в глобальной политике*, № 4, с. 69–80.
9. *Ouverture des Assises de l'économie de la Mer à Montpellier*, 03.12.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JNKX8YGzChQ> (дата обращения: 09.01.2023).

10. Рубинский, Ю. И. и Федоров, С. М. (2021), «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия, *Аналитические записки ИЕ РАН*, № 4 (28), с. 5–11.
11. Зверева, Т. В. и Закаурцева, Т. А. (2021), Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 1 (27), с. 51–68.
12. Алексеенкова, Е. С. и Чихачев, А. Ю. (2022), Квиринальский трактат — двусторонний договор о будущем ЕС?, *Современная Европа*, № 3, с. 33–48.
13. Магадеев, И. Э. (2022), «Средиземноморский фактор» во взаимодействии Франции и КНР (2017–2021 гг.), в: Буторина, О. В. и Алексеенкова, Е. С. (ред.), *Фактор Китая в Средиземноморье*, М.: Ин-т Европы РАНб, с. 32–51.
14. Камов, И. (2020), Перспективы строительства военно-морских сил Франции до 2030 года, *Зарубежное военное обозрение*, № 2, с. 60–69.
15. Белозеров, В. (2020), Контингенты ВС Франции, развернутые на постоянной основе за пределами европейской части страны, *Зарубежное военное обозрение*, № 11, с. 9–16, № 12, с. 15–21.
16. Обичкина, Е. О. (2020), «Русский вопрос» в европейской политике: размышления о книге Т. Гомара, *Международные процессы*, № 3, с. 6–22.
17. Marilossian, J. (2022), Le fait maritime pour la France, au cœur des défis stratégiques du XXIe siècle, *Revue Défense Nationale*, no. 853, pp. 7–12.
18. Abis, S. and Tasse, J., (2022), *Géopolitique de la mer*, Paris: Eyrolles.
19. Buchet, C. (2022), *Osons la mer*, Paris: Cherche-Midi.
20. Окунев, И. Ю. (2014), Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики, *Сравнительная политика*, № 4, с. 6–14.
21. Dodds, K. (2001), Political Geography III: Critical Geopolitics after 10 Years, *Progress in Human Geography*, no. 3, pp. 469–484.
22. Окунев, И. (2019), Запад / неЗапад: кривое зеркало мировой политики, РСМД, 21 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/> (дата обращения: 11.01.2023).
23. Федоров, Н. В. (2010), *Идеи адмирала А. Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав в конце XIX — начале XX века*, СПб.: СПбГУ.
24. Сидоров, А. С. (2022), Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 79–108.
25. Amiral Pierre Vandier — La Marine française au défi de l’Indo-Pacifique (2021), *IFRI*, 21 June. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/videos/amiral-pierre-vandier-marine-francaise-defi-de-lindo-pacifique> (дата обращения: 11.01.2023).
26. Романова, Т. А. (2019) (ред.), *Концепция стрессоустойчивости Европейского Союза. Артикуляция и ее последствия для России*, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
27. Leksyutina, Y. and Lagutina, M. (2022), Maritime Logistics Systems of Europe and Asia, in: Ilin, I., Devezas, T., Jahn, C. (eds), *Arctic Maritime Logistics: The Potential and Challenges of the Northern Sea Route*, Springer, pp. 215–226.
28. Колесникова, М. Л. (2019), Средиземноморские страны ЕС в «синей экономике», *Современная Европа*, № 3, с. 161–170.
29. *Maritime freight and vessels statistics*, October 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Maritime_freight_and_vessels_statistics&oldid=550240 (дата обращения: 12.01.2023).
30. Garnier, C. (2020), Le port de Rouen investit pour défendre son leadership sur les grains, *Les Echos*, 02 Septembre. URL: <https://www.lesechos.fr/pme-regions/normandie/le-port-de-rouen-investit-pour-defendre-son-leadership-sur-les-grains-1238715> (дата обращения: 12.01.2023).
31. Колесникова, М. Л. (2021), Экологические амбиции Европейского союза: синяя экономика, *Аналитические записки ИЕ РАН*, № 3, с. 11–18.
32. Briand, Y. (2022), La Marine face au dérèglement climatique et aux atteintes à la biodiversité, *Revue Défense Nationale*, no. 853, pp. 42–46.
33. Quels enjeux climatiques pour la Marine nationale? (2022), *Observatoire Défense et Climat*, 07 Décembre. URL: <https://music.amazon.es/podcasts/3cbaaa8b-a0cb-48d5-a006-242c078a75d0/episodes/b35d44df-80e8-4d5c-a272-3b60f7b963e6/sur-le-front-climatique-quels-enjeux-climatiques-pour-la-marine-nationale-avec-1%E2%80%99amiral-vandier-chef-d%E2%80%99%C3%A9tat-major> (дата обращения: 12.01.2023).

34. Чихачев, А. (2021), Климатический поворот Пятой Республики, *РСМД*, 26 января. URL: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/klimaticheskii-povorot-pyatoy-respubliki/> (дата обращения: 12.01.2023).
35. Власов, Н. А., Малыгина, А. А. и Павлов А. Ю. (2013), *Мысль и меч: Эволюция оборонной политики стран Западной Европы и развитие военных технологий во второй половине XX — начале XXI вв.*, М.: Издательство МБА.
36. Fougères, M. (2022), Budget 2023: «Une grande armée au service d'une démocratie», *Institut Montaigne*, 16 Novembre. URL: <https://www.institutmontaigne.org/analyses/budget-2023-une-grande-armee-au-service-dune-democratie> (дата обращения: 15.01.2023).
37. *Avis fait au nom de la commission de la défense nationale et des forces armées sur le projet de loi de finances pour 2023*, 2022. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b0369-tv_rapport-avis_Toc256000018 (дата обращения: 15.01.2023).
38. *Chiffres clés de la Défense 2021*. URL: <https://www.defense.gouv.fr/chiffres-cles-defense-2021> (дата обращения: 15.01.2023).
39. International arms transfers (2022), *SIPRI*, March. URL: <https://www.sipri.org/research/armament-and-disarmament/arms-and-military-expenditure/international-arms-transfers> (дата обращения: 15.01.2023).
40. Lamigeon, V. (2022), Sous-marins australiens: un an après, la France surnage, l'Australie doute, *Challenges*, 15 Septembre. URL: https://www.challenges.fr/entreprise/defense/sous-marins-australiens-un-an-apres-la-france-surnage-l-australie-doute_827810 (дата обращения: 15.01.2023).
41. *Discours du Président à bord du porte-avions Charles de Gaulle à l'occasion du Noël aux troupes* (2022), 19 Décembre. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pcVAXt_udUk (дата обращения: 16.01.2023).
42. *Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects — Overview*, November 16. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (дата обращения: 16.01.2023).
43. Vandier, P. (2022), Quelle place pour la puissance navale en 2022? *Les Grands Dossiers de Diplomatie*, no. 68. URL: <https://www.aren24.news/2022/07/19/quelle-place-pour-la-puissance-navale-en-2022/> (дата обращения: 15.01.2023).
44. Coutau-Bégarie, H. (2015), A quoi sert une marine? *Stratégique*, no. 109, pp. 11–18.
45. Zięba, R. (2022), France's security strategy for the 21st century, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 1, pp. 3–14.

Статья поступила в редакцию 2 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 15 июня 2023 г.

Контактная информация:

Чихачев Алексей Юрьевич — канд. полит. наук; alexchikhachev@gmail.com

“The 21st century will be maritime”: Maritimization of French defense policy*

A. Yu. Chikhachev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Chikhachev A. Yu. “The 21st century will be maritime”: Maritimization of French defense policy. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 3, pp. 275–293. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.305> (In Russian)

This article examines one of the structural processes observed in defense policy of modern France — the “maritimization”, or, in other words, the growing attention of the government to naval issues. It is noted that since 2017, a number of signs for it have accumulated —

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-78-00198, <https://rscf.ru/project/22-78-00198/>.

from various statements on maritime security in strategic documents to the start of new submarines and aircraft carrier projects. Following practical geopolitics (as a part of critical geopolitics), the article reveals the main reasons, specifics and limitations for such process. France have been induced to strengthen the fleet by the deterioration of security in several regions and threats to maritime communications, the need to ensure stability of its own “blue” economy, and by climate and biodiversity considerations as well. In practical terms, the maritimization have implied an increased budget spending on the Navy, the adoption of a new shipbuilding program “Mercator”, the signing of export agreements and the participation in multilateral exercises and projects (mainly through the EU and NATO). Nevertheless, the author comes to the conclusion that the maritime turn of French defense policy is not so obvious, since it is not planned to the detriment of other types of armed forces. It assumes qualitative, but not quantitative improvement of the fleet and does not look like a unique trend against the background of other powers. With all its benefits, the Navy still does not acquire any special status: on the contrary, the current doctrine provides for an equal importance of all components of military forces at the same time. Thus, it seems that the cooperation with the allies will be a key strategic orientation for France: even if its own capabilities are expected to stay limited, it remains a considerable part of the combined sea power of the West.

Keywords: France, defense, maritime security, sea power, Emmanuel Macron.

References

1. Global Naval Powers Ranking (2023), *WDMMW*. Available at: <https://www.wdmmw.org/ranking.php> (accessed: 08.01.2023).
2. Chikhachev, A. Y. (2017), Main Features in the Development of the French Navy, *National Security / nota bene*, no. 5, pp. 82–95. (In Russian)
3. *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*, 2017. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (accessed: 09.01.2023).
4. *Revue nationale stratégique*, 2022. Available at: http://www.sgdsn.gouv.fr/communiqués_presse/revue-nationale-strategique-2022/ (accessed: 09.01.2023).
5. *Stratégie française en Indopacifique*, 2020. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/enjeux-regionaux/strategie-francaise-indopacifique> (accessed: 09.01.2023).
6. *Stratégie ministérielle de maîtrise des fonds marins. Rapport du groupe de travail*, 2022. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/armees-se-dotent-dune-strategie-ministerielle-maitrise-fonds-marins> (accessed: 09.01.2023).
7. Gomart, T. (2019), *L’Affolement de monde. Dix enjeux géopolitiques*, Paris: Tallandier.
8. Gomart, T. (2017), France and the «Big Three», *Russia in Global Affairs*, no. 4, pp. 69–80. (In Russian)
9. *Ouverture des Assises de l’économie de la Mer à Montpellier*, 03.12.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=JNKX8YGzChQ> (accessed: 09.01.2023).
10. Rubinskiy, Y. I. and Fedorov, S. M. (2021), The «Submarine Crisis» and Its Possible Consequences, *Analytical Papers of the IE RAS*, no. 4 (28), pp. 5–11. (In Russian)
11. Zvereva, T. V. and Zakaurtseva, T. A. (2021), Military-Political Cooperation between France and Great Britain: State and Prospects, *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, no. 1 (27), pp. 51–68. (In Russian)
12. Alekseenkova, E. S. and Chikhachev, A. Y. (2022), The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU’s Future?, *Sovremennaiia Evropa*, no. 3, pp. 33–48. (In Russian)
13. Magadeev, I. E. (2022), «Mediterranean Factor» in France — China Relations (2017–2021), in: Butorina, O., Alekseenkova, E. (eds), *The China Factor in the Mediterranean*, Moscow: Institute of Europe RAS, pp. 32–51. (In Russian)
14. Kamov, I. (2020), The Prospects of French Navy Until 2030, *Foreign Military Review*, no. 2, pp. 60–69. (In Russian)
15. Belozherov, V. (2020), France’s Armed Forces Deployed Beyond Europe, *Foreign Military Review*, no. 11–12. (In Russian)

16. Obichkina, E. O. (2020), «Russian Question» in the Focus of European Geopolitics: Reflections on «10 Challenges to Today's Europe» by Thomas Gomart, *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 3, p. 6–22. (In Russian)
17. Marilossian, J. (2022), Le fait maritime pour la France, au cœur des défis stratégiques du XXIe siècle, *Revue Défense Nationale*, no. 853, pp. 7–12.
18. Abis, S. and Tasse, J., (2022), *Géopolitique de la mer*, Paris: Eyrolles.
19. Buchet, C. (2022), *Osons la mer*, Paris: Cherche-Midi.
20. Okunev, I. Y. (2014), Critical Geopolitics and Post-Critical Shift in Geopolitical Research Paradigm, *Comparative Politics Russia*, no. 4, pp. 6–14. (In Russian)
21. Dodds, K. (2001), Political Geography III: Critical Geopolitics after 10 Years, *Progress in Human Geography*, no. 3, pp. 469–484.
22. Okunev, I. (2019), West / Non-West: Funhouse Mirror of World Politics, *RIAC*, 21 March. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/> (accessed: 11.01.2023).
23. Fedorov, N. V. (2010), *Admiral A. T. Mahan's Ideas and Naval Politics of Great Powers in Late 19th and Early 20th century*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 239 p. (In Russian)
24. Sidorov, A. S. (2022), The Military-Political Balance of France's Capabilities in the Sahel: Stages and Mechanisms of Exit from The Theater of Operations, *Current Problems of Europe*, no. 4, pp. 79–108. (In Russian)
25. Amiral Pierre Vandier — La Marine française au défi de l'Indo-Pacifique (2021), *IFRI*, 21 June. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/videos/amiral-pierre-vandier-marine-francaise-defi-de-lindo-pacifique> (accessed: 11.01.2023).
26. Romanova, T. A. (2019) (ed.), *The Concept of Resilience of the European Union. The Articulation and Its Outcomes for Russia*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
27. Leksyutina, Y. and Lagutina, M. (2022), Maritime Logistics Systems of Europe and Asia, in: Ilin, I., Devezas, T., Jahn, C. (eds), *Arctic Maritime Logistics: The Potential and Challenges of the Northern Sea Route*, Springer, pp. 215–226.
28. Kolesnikova, M. L. (2019), Mediterranean Countries of the EU in a “Blue Economy”, *Sovremennaiia Evropa*, no. 3, pp. 161–170. (In Russian)
29. *Maritime freight and vessels statistics*, October 2022. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Maritime_freight_and_vessels_statistics&oldid=550240 (accessed: 12.01.2023).
30. Garnier, C. (2020), Le port de Rouen investit pour défendre son leadership sur les grains, *Les Echos*, 02 Septembre. Available at: <https://www.lesechos.fr/pme-regions/normandie/le-port-de-rouen-investit-pour-defendre-son-leadership-sur-les-grains-1238715> (accessed: 12.01.2023).
31. Kolesnikova, M. L. (2019), The European Union's Environmental Ambitions: The Blue Economy, *Analytical Papers of the IE RAS*, no. 3, pp. 11–18. (In Russian)
32. Briand, Y. (2022), La Marine face au dérèglement climatique et aux atteintes à la biodiversité, *Revue Défense Nationale*, no. 853, pp. 42–46.
33. Quels enjeux climatiques pour la Marine nationale? (2022), *Observatoire Défense et Climat*, 07 Décembre. Available at: <https://music.amazon.es/podcasts/3cbaaa8b-a0cb-48d5-a006-242c078a75d0/episodes/b35d44df-80e8-4d5c-a272-3b60f7b963e6/sur-le-front-climatique-quels-enjeux-climatiques-pour-la-marine-nationale-avec-l%E2%80%99amiral-vandier-chef-d%E2%80%99C3%A9tat-major> (accessed: 12.01.2023).
34. Chikhachev, A. (2021), The Climate Turn of the Fifth Republic, *RIAC*, 26 January. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/klimaticheskiy-povorot-pyatoy-respubliki/> (accessed: 12.01.2023). (In Russian)
35. Vlasov, N. A., Malygina, A. A. and Pavlov, A. Y. (2013), *Thought and Blade: The Change of Western Europe Defense Policy and Military Technologies during late XX — early XXI centuries*, Moscow: MBA Publishing, 248 p. (In Russian)
36. Fougères, M. (2022), Budget 2023: «Une grande armée au service d'une démocratie», *Institut Montaigne*, 16 Novembre. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/analyses/budget-2023-une-grande-armee-au-service-dune-democratie> (accessed: 15.01.2023).
37. *Avis fait au nom de la commission de la défense nationale et des forces armées sur le projet de loi de finances pour 2023*, 2022. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b0369-tv_rapport-avis???_Toc256000018 (accessed: 15.01.2023).
38. *Chiffres clés de la Défense 2021*. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/chiffres-cles-defense-2021> (accessed: 15.01.2023).

39. International arms transfers (2022), SIPRI, March. Available at: <https://www.sipri.org/research/armament-and-disarmament/arms-and-military-expenditure/international-arms-transfers> (accessed: 15.01.2023).
40. Lamigeon, V. (2022), Sous-marins australiens: un an après, la France surnage, l'Australie doute, *Challenges*, 15 Septembre. Available at: https://www.challenges.fr/entreprise/defense/sous-marins-australiens-un-an-apres-la-france-surnage-l-australie-doute_827810 (accessed: 15.01.2023).
41. *Discours du Président à bord du porte-avions Charles de Gaulle à l'occasion du Noël aux troupes* (2022), 19 Décembre. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=pcVAXt_udUk (accessed: 16.01.2023).
42. *Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects — Overview*, November 16. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (accessed: 16.01.2023).
43. Vandier, P. (2022), Quelle place pour la puissance navale en 2022? *Les Grands Dossiers de Diplomatie*, no. 68. Available at: <https://www.areion24.news/2022/07/19/quelle-place-pour-la-puissance-navale-en-2022/> (accessed: 15.01.2023).
44. Coutau-Bégarie, H. (2015), A quoi sert une marine? *Stratégique*, no. 109, pp. 11–18.
45. Zięba, R. (2022), France's security strategy for the 21st century, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 1, pp. 3–14.

Received: May 2, 2023
Accepted: June 15, 2023

Author's information:

Aleksei Yu. Chikhachev — PhD in Political Sciences; alexchikhachev@gmail.com